

З.Г. Самодурова

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ МОНАСТЫРСКИХ ШКОЛ В ВИЗАНТИИ VIII–XII вв.

Вопрос о наличии общеобразовательных школ при монастырях Византии VIII–XII вв. вызывает среди исследователей острые дискуссии. Одни (Ф. Фукс, П. Лемерль) категорически отвергают их существование; другие (Хр. Лопарев, А. П. Рудаков, Д. Баклер, Л. Брейе, Р. Гийан) напротив, столь же категорически утверждают, что такие учебные заведения функционировали при обителях; третьи (А. П. Каждан, Н. Д. Вильсон) допускают их существование, но не во всех монастырях.

Какие же доводы приводит каждый из названных ученых, используя фактически одни и те же источники и располагая по существу одним и тем же объемом информации?

Ф. Фукс считает, что о монастырских школах, размещенных внутри обители, с полным правом можно говорить только со времен Максима Плануда, основавшего учебное заведение в одном из монастырей в Вифинии. Таким образом, он относит их возникновение к XIII в.¹

П. Лемерль в своем исследовании о так называемом первом византийском гуманизме указывает на отсутствие в источниках данных о монастырских школах, за исключением сообщений житий Феодора и Николая Студитов и предписаний, приписываемых первому, где идет речь о расположенном вне стен монастыря приюте для детей, из которых собирались сделать монахов. Их обучали грамматике, пению, церковной поэзии и элементам философии с тем, чтобы они могли опровергать еретиков "силлогизмами истины"². Казалось бы, источники свидетельствуют о школе при обители, в которой учились дети. Однако это не убеждает ученого. Он отказывается сравнивать ее с аналогичными учебными заведениями Запада, открытыми для занятий и будущим монахам, и светским лицам. Студийское учреждение, очень скромное по размеру, по мнению П. Лемерля, не является ни общественной школой, находящейся на содержании монахов, ни монастырской школой, открытой для мирян³.

¹ Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. (BA. H. 8). Leipzig; B., 1926. S. 59.

² PG. T. 99. Col. 168 A—B, 273 B—C; Latyshev B. Vita S. Theodori Studitae in codice Mosquensi musei Rumianzoviani N 520 // BB. 1914. T. 21. C. 273–274; PG. T. 105. Col. 869; T. 99. Col. 1745 B—C.

³ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 103–104, 124–127.

Противники рассмотренной точки зрения в общем-то оперировали теми же источниками и тем не менее пришли к противоположным результатам.

В своем исследовании агнографических памятников VIII-IX вв. Хр. Лопарев, характеризуя их литературные достоинства и выясняя достоверность их сообщений, старается доказать наличие школ при монастырях, о которых говорится в анализируемых им житиях. Хотя этих данных, как он сам признает, недостаточно, тем не менее он утверждает, что во всех упоминаемых в агнографических сочинениях обителях, обучали всех вступающих в монашеское братство, если они были неграмотными, духовным и общеобразовательным наукам. Почти в каждой из них, полагает он, находился довольно образованный инок, который преподавал как предметы общего курса (ἐγκύκλιος παιδεία), так и духовную грамоту⁴. Особое внимание Хр. Лопарев уделил институту так называемых "монастырских детенышей", с которыми, считает ученый, читатели агнографических произведений встречаются в Студийском монастыре. Характеристика указанного явления дана Хр. Лопаревым по сообщению "Жития" Николая Студита, в котором о них впервые говорится. В других агнографических памятниках об этом нет никаких сведений. Тем не менее, сравнивая данный институт с "монастырскими детенышами", жившими при русских монастырях, ученый допускает его существование и в других византийских монастырях. Он утверждает, что это были рассадники монашества, которые заботились о духовно-религиозном воспитании юношества, наряду с общеобразовательным обучением⁵.

А. П. Рудаков в своем капитальном труде "Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии", основываясь на данных Житий Феодора⁶ и Николая Студитов⁷, Феодора и Феофана Начертанных⁸, Павла Латрского⁹, Лазаря Галесийского¹⁰, приходит к выводу о существовании монастырских школ, где мальчикам преподавали грамоту и где они получали преимущественно духовное образование¹¹.

Положительно решает вопрос о монастырских школах Л. Брейе. Опираясь на сообщения агнографических памятников, он не сомневается, что они существовали. Главной задачей их наряду с подготовкой своих питомцев к будущей аскетической жизни было преподавание им богословия. Поэтому программа обучения в них, по его мнению, сильно отличалась от планов и целей светских учебных учреждений больших городов, особенно Константинополя¹².

В разделе "Византийское воспитание", подготовленном для сборника "Византизм. Введение в восточно-римскую цивилизацию", его автор Дж. Баклер выделяет три типа учебных заведений: светский университет Константинополя, Патриаршую Академию, также расположенную в столице, и школы,

⁴ Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII-IX веков // ВВ 1911 Т. XVII С. 56, 120, 149-150, 213, 215, 1913 Т. XVIII С. 1, 46, 1915 Т. XIX С. 72-76, 87-90, 98-101.

⁵ Лопарев Хр. Византийские жития. // ВВ 1911. Т. XVII. С. 146-150, 172-173, 185-188

⁶ PG. T. 99. Col. 273 B—C.

⁷ Ibid. T. 105. Col. 869.

⁸ Ibid. T. 115. Col. 657.

⁹ AB. XI. P. 21.

¹⁰ AASS. Nov. III. P. 510.

¹¹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917 С. 99.

¹² Bréhier L. Les populations rurales au IX-e siècle d'après l'hagiographie byzantine // Byz. 1924. T. I. P. 189; Idem. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople // Byz. 1927. T. 3. P. 86-87; 1929. T. 4. P. 24.

прикрепленные к монастырям. Английская исследовательница не сомневается в факте их существования и только подчеркивает различия между византийскими и западными монастырскими школами. Последние, по ее словам, посещали все желающие, в том числе и светские лица. На Востоке эти учреждения в VIII-XII вв. были закрытого типа. В них могли обучаться только дети, собирающиеся в будущем постричься в монахи, поскольку продолжало действовать постановление Халкидонского собора, запрещающее обучать в монастырских школах детей-мирян, не желающих связывать свою судьбу с жизнью церкви. Только в XIII в. Максим Плануд нарушил это правило и стал готовить своих учеников не только к церковной деятельности, но и для гражданской карьеры: к службе в канцеляриях, армии, медицинских учреждениях и т. п.¹³

В своем кратком очерке "Школьная жизнь в Византии" Р. Гийан без каких-либо ссылок на источники говорит о наличии школ в каждом византийском монастыре, в которых учились дети, собирающиеся в будущем стать монахами. В них они получали общее образование (ἐγκύκλιος παιδεία) под руководством общего наставника (κοινὸς καθηγητής), а затем приступали к изучению Священного Писания, трудов отцов церкви, житий святых, а также произведений морально-нравственного содержания. Подобные учебные заведения, по его словам, должны были давать христианское воспитание и готовить истинных ревнителей православия. Поэтому из программы были исключены все произведения античных писателей, кроме пособий по грамматике и риторике. Таким методом, по мнению Р. Гийана, старались уничтожить любое напоминание о языческом эллинизме и способствовали возникновению и расцвету мистицизма¹⁴.

Не отрицает факт существования монастырских школ А. П. Каждан в своей монографии "Византийская культура". Правда, он оговаривается, что они были сравнительно редки и, как правило, были предназначены для тех, кто намеревался постричься в монахи того монастыря, где находилось данное учреждение¹⁵.

Н. Д. Вильсон также допускает существование школ в монастырях, предназначенных для тех, кто хотел стать монахом, и недоступных светским лицам. Эти учебные заведения он характеризует как школы закрытого типа¹⁶.

Как видим, исследователи, занимающиеся историей образования в Византийской империи VIII-XII вв., опирались в своих изысканиях на одни и те же источники, а именно, на жития святых. Однако выводы, к которым они пришли, оказались диаметрально противоположными.

Поскольку сведения, которыми оперировали историки-византилисты, были извлечены главным образом из агиографических сочинений, нам, чтобы ответить на вопрос о существовании школ при монастырях, необходимо расширить источниковую базу и обратиться к другим видам источников, таким как исторические и хронографические произведения, актовый материал. Изучение их показывает, что содержащиеся в них известия, позволяют по-новому осветить спорную проблему. Нам следует как можно больше собрать сообщений о всех лицах, получивших образование при обителях, проанализировать

¹³ Buckler G. Byzantine Education // Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N. H. Baynes, H. St. Moss. Oxford, 1948. P. 215-216.

¹⁴ Guillard R. La vie scolaire à Byzance // Bulletin de l'association G. Budé. 1953. 3 sér. N I (mars). P. 82.

¹⁵ Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968. С. 66.

¹⁶ Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 69.

их, выяснить, кто же все-таки обучался при монастырях, что им преподавали, и решить, наконец, можно ли называть занятиями в школе, если на них присутствовало всего два—три человека. При этом один из них передавал свои знания, другой или другие воспринимали их. Наша задача усложняется тем, что византийские авторы мало внимания уделяли данной проблематике. Подобный феномен можно объяснить либо тем, что в обителях действительно отсутствовали школы, либо тем, что это было обычным явлением, которое не требовало никакого особого пояснения.

Анализ сигнатур в актах Ивирского монастыря, относящихся ко второй половине X–XII в., показывает, что среди иноков было довольно много грамотных. Из 205 свидетелей-монахов, присутствующих при заключении тех или иных сделок, только восемь человек оказались неграмотными, начертавшими собственной рукой лишь крест¹⁷. Остальные 197 человек смогли написать, хотя и с отдельными ошибками, свои имена и название монастырей и указать свой статус¹⁸. Некоторые из этих грамотных иноков, как Феофан, Ксенофонт, Феодул, Филон, Феодул из Ватопеда, подписывали документы за своих необразованных собратьев, начертавших собственной рукой только крест, да нацарапавших свое имя унциальными буквами¹⁹. Находим среди свидетелей, удостоверяющих сделки между Ивирской обителью и соседними монастырями, врачей: монахов Тимофея и Игнатия²⁰, и даже людей, обладавших определенными юридическими познаниями, как монах, священник и игумен Иаков²¹. Были среди них и высококвалифицированные копиисты, такие как иноки: Евфимий, Иоанн, Василий²², монахи и священники Феофан и Иаков²³, монах и игумен Фантин²⁴, монах и пресвитер Никон²⁵, архидиакон Константин²⁶, архидиакон и номик Константин²⁷, настоятели монастырей: Сава и Ксенофонт²⁸, игумен и грамматик Иоанн²⁹, монах, священник и грамматик Иоанн³⁰ и др. Их рукой были написаны следующие акты Ивирской обители: № 3, 6, 7, 11–14, 15, 18, 20–25.

Возникает вопрос: где они могли получить образование, в стенах монастырей или в каких-то других учебных учреждениях? Чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть весь накопленный материал.

Одним из главных наших источников, из которых были почерпнуты сведения о монастырской школе, являются Жития Феодора и Николая Студитов.

¹⁷ Actes d'Iviron: T. I. Des origines au milieu du XI-e siècle / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration d'H. Métrévélis. P., 1985. P. 174–175, 182–185, 206–208, 212, 214–216, 220, 228, 231–232, 233, 239; T. II. Du milieu du XI-e siècle à 1204 / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration de V. Kravari et d'H. Métrévélis. P., 1990. P. 135, 140–141, 145.

¹⁸ Actes d'Iviron. I. P. 116, 128–129, 134, 139–140, 148, 151, 175, 178–179, 182, 185, 189, 192, 205–206, 207, 214–215, 220–221, 224, 227, 232–233, 239, 243, 246–247, 250, 261; Ibid. II. P. 80, 117–118, 128, 140, 145, 166–167, 192–193.

¹⁹ Ibid. I. P. 175, 185, 207, 239; II. P. 140.

²⁰ Ibid. I. P. 174–175, 185, 250.

²¹ Ibid. P. 236–237.

²² Ibid. P. 114, 116, 136, 139, 183, 185, 249, 250.

²³ Ibid. P. 35, 42, 234, 236–237, 239.

²⁴ Ibid. P. 143, 150–151.

²⁵ Ibid. P. 173, 175.

²⁶ Ibid. P. 176, 178.

²⁷ Ibid. P. 180, 182, 190, 192.

²⁸ Ibid. P. 202, 205, 209, 214, 222, 224.

²⁹ Ibid. P. 217, 220.

³⁰ Ibid. P. 229, 232.

Именно авторы названных сочинений впервые познакомили нас с учебным заведением при Студийском монастыре, существование которого ни у кого не вызывает сомнения. По данным упомянутых памятников в Студийской обители, вне ее стен находился дом-приют, в который помещали прибывающих детей, собирающихся в будущем стать монахами. Их селили отдельно от взрослых иноков с тем, чтобы они не смущали покой последних. В этом доме-приюте и была организована школа, где обучали мальчиков, чтобы они "не оставались несведущими в словесных науках, но занимались изучением грамматики, при посредстве которой учатся правильно писать и приобретают навыки к чтению, а также философскими упражнениями и заучиванием наизусть отеческих мыслей, при помощи которых они могли опровергать пустословные нелепости всякой ереси, составляли истинные суждения и умозаключения". Из них, по словам биографа Феодора Студита, выходили "очень мудрые каллиграфы и церковные певчие, творцы кондаков и составители песнопений, поэты и отличнейшие чтецы, знатоки напевов и писатели стихир о Христе"³¹. Т. е. детей учили чтению, письму, грамматике, церковной поэзии и даже элементам философии. Их знакомили с наставлениями отцов церкви, основополагающие мысли которых они должны были заучивать наизусть, чтобы иметь возможность опровергать еретиков. Как видим, программа их обучения была довольно сложной. Вряд ли можно рассматривать данную школу как элементарную, как делает это П. Лемерль³². Скорее можно согласиться с Дж. да Коста-Луийе, считавшей ее школой второй ступени³³.

Задачи, стоящие перед учебным учреждением Студийской обители, были весьма сложными. Требования, предъявляемые к школярам, были довольно высокими. При этом надо учитывать разный уровень образованности прибывающих в монастырь. Естественно и подход к ним был разным.

Так, Николай Студит, приехавший с острова Крит, был уже обучен основам грамоты родителями, отправившими его в "школу благочестия", т. е. Студийский монастырь. Тем не менее и здесь он изучал вступительные науки, в совершенстве овладел грамматикой и стал выдающимся каллиграфом. До нас дошли блестящие образцы его работы: четвероевангелие Успенского (ГПБ, греч. 219) и один из парижских манускриптов, частично им переписанный (Cod. Paris. Coisl. gr. 269, f. 97-286). Преподаватель общего знания (κοινὸς καθηγητής), как говорит агиограф, обучал его заповедям и благочестию в храме, куда Николай приходил первым, а уходил последним, он внимательно слушал повествования об отцах церкви и сам перечитывал их жития³⁴.

К сыновьям патрикия и великого доместика схол Востока, Мануила Комнина, будущему императору Исааку I и его младшему брату Иоанну, отцу Алексея I, отданным в Студийский монастырь на воспитание Василием II, относились по-другому. Их обучали, вероятно, основам грамоты³⁵. В обители

³¹ PG. T. 99. Col. 168 A—B, 273 B—C; T. 105. Col. 865—869, 872; *Latyshev B. Vita S. Theodori Studitae...* P. 273-274; *Лопарев Хр. Византийские жития...* // BB. 1911 T. XVII C. 172-173.

³² *Lemerle P. Op.cit.* P. 103.

³³ *Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIII-e, IX-e et X-e siècles* // Byz. 1955—1957. T. 25—27. P. 796.

³⁴ PG. T. 105. Col. 864, 869—872; *Лопарев Хр. Византийские жития...* // BB. 1911 T. XVII. C. 187—188, *Рудаков А. П. Указ. соч.* С. 99-100, 251; *Buckler G. Op.cit.* P. 204; *Lemerle P. Op. cit.* P. 99—100, 102—103, 129; *Moffatt A. Schooling in the Iconoclast Centuries* // *Iconoclasm* / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 87—88.

³⁵ *Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884* С. 81; *Он же Византийская наука и школы в XI веке* // *Христианское чтение.* 1884. № 5-6. С. 733

они получили надлежащее образование. Что скрывается под этим стереотипным выражением, раскрыл Михаил Пселл в своей "Хронографии". Характеризуя Исаака I Комнина, он пишет, что василевс был малообразованным, не обладал достаточными познаниями ни в грамматике, ни в юриспруденции. Однако к ученым он относился доброжелательно и охотно принимал их при своем дворе³⁶. По словам Продолжателя Скилицы, он был привержен наукам³⁷.

Таким образом, недостаточно образованных или совершенно неграмотных вначале обучали элементарной грамотности. Им прививали навыки чтения и письма. Затем переходили к преподаванию грамматики, церковного песнопения, элементов философии (вероятно, под этим агиографы подразумевали богословие), знакомили с трудами отцов церкви. Нам кажется, права А. Моффэт, которая полагает, что Студийская школа совмещала программы первоначального и второго обучения³⁸, поскольку уровень подготовки мальчиков, прибывавших в монастырь из всех регионов империи, был различным.

В правилах Студийской обители были определены и обязанности наставников, обучающих детей. Им был один из монахов, который должен был прежде всего заботиться о благочестивом обучении своих юных питомцев и относиться к ним по-отечески. В противном случае его ждало суровое наказание: 100 поклонов, постная пища и недельное отлучение³⁹.

Как долго просуществовало данное учебное учреждение при Студийском монастыре, сказать трудно. В XI в. оно еще функционировало. Ведь туда были отданы на воспитание Василием II малолетние сироты Исаак и Иоанн Комнины.

Возможно, аналогичное учреждение существовало и в Ивирской обители, хотя в нашем распоряжении имеются лишь глухие намеки на это. Известно, что монахи, желавшие быть принятыми в состав клира монастыря, прибывали на Афон в сопровождении своих юных родственников. Последних селили вне монастырских стен, в одном из метох, где эконоом обучал их религии и мастерству. В источнике ничего не говорится, чем они конкретно занимались. В обитель же их принимали после достижения юношеского возраста, когда, по словам агиографа, у них вырастала борода⁴⁰.

Сюда же, в Ивирскую обитель, во второй половине XI в. Георгий Агиорит вез из Грузии 80 сирот, родители которых погибли во время нашествия сельджуков. Он доставил их в Константинополь, где Константин X Дука возместил понесенные им расходы. После смерти Георгия в византийской столице помощь детям оказал священник Петр. В хрисовуле, опубликованном по этому поводу, император приказал воспитывать их в монастыре, запретил выгонять их и вообще причинять им какой-нибудь вред⁴¹. Вероятно, им должны были преподавать основы грамоты. Наше предположение, что в Ивирском монастыре детей обучали навыкам чтения и письма, находит подтверждение в том, что среди монахов-свидетелей, собственноручно подписавших акты, было довольно много представителей данной обители⁴².

³⁶ Mich. Ps. II. P. 113—122.

³⁷ Ioan. Scylitz. Cont. P. 100.

³⁸ Moffatt A. Op. cit. P. 88.

³⁹ PG. T. 99. Col. 1745; Лопарев Хр. Византийские жития // ВВ 1911 Т. XVII С. 172-173, Lemerle P. Op. cit. P. 102-104, 124, 127; Moffatt A. Op. cit. P. 87-88.

⁴⁰ Actes d'Iviron. I. P. 70.

⁴¹ Ibid. II. P. 20.

⁴² Ibid. I. P. 224, 250.

Ее настоятели, начиная с первого Иоанна Ивира, всегда имели учеников. Причем не только у игуменов были воспитанники, но и у монахов, живших в отдаленных кельях. Правда, число питомцев последних было ограничено. Им разрешалось иметь только 6-10 учеников⁴³.

Из "Жития" Стефана Нового мы узнаем об учреждении школы в середине VIII в. в греческом женском монастыре в Италии, переданном папой Захарием монахиням, переселившимся из Византии в иконоборческий период⁴⁴.

В Телайском монастыре (τῶν Τελαίων) на Олимпе проходил курс вступительных наук (τὴν τῶν ὑραμμάτων εἰσαγωγή) Иоанникий Великий (754-846 гг.). В детстве он не получил никакого образования. Прослужив 24 года в войске эскувитов императора Феофила, Иоанникий сначала удалился в Агаврскую обитель, а затем перешел в Телайский монастырь, где он и приобщился к элементам знания. В Антидиевой обители, куда Иоанникий переселился, он изучил подвиги святых отцов и около 30 псалмов. Вероятно, в обоих последних монастырях подвизались образованные монахи, которые могли обучить вновь вступивших в обители неграмотных иноков основам знания, т.е. прививали им навыки чтения и письма⁴⁵.

В монастыре Савы Освященного близ Иерусалима Михаил Синкелл, монах названной обители, занимался с Феодором и Феофаном Начертанными (конец VIII — первая половина IX в.). Он преподавал им грамматику, философию, поэтику⁴⁶.

Только в монастыре научился читать и писать Евфимий Новый (X в.), уроженец деревни, расположенной в окрестностях Анкиры в Галатии. В детстве ему не пришлось посещать школу. Будучи сыном названного в житии "эвпатридом" крестьянина-стратиота, обязанного нести наследственную военную службу, он был зачислен в армию императора Феофила. После окончания срока службы он удалился от мира, принял схиму и поселился в обители, где и овладел основами грамоты⁴⁷.

Будущий Константинопольский патриарх Антоний II Кавлея (893-901 гг.) в пятилетнем возрасте под руководством своего отца начал учиться читать Псалтирь, ставшую настольной учебной книгой еще со времен Георгия Хировоска⁴⁸. В двенадцатилетнем возрасте он вступил в монастырь, игумен которого стал преподавать ему предметы общеобразовательного курса (ἐγκύκλιον παιδείαν). Чтобы ни у кого не было сомнений в правоте и

⁴³ Ibid. P. 8, 6, 10, 34, 68-70, 184, 193-195, 197, 206.

⁴⁴ Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1909. Т. II. Вып. 2. С 304; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 120; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII— первая половина IX в.). М.; Л., 1961. С. 337.

⁴⁵ AASS. Nov. 1894. II. 1. P. 333, 386; PG. T. 116. Col. 37; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 72-75; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 98, 182, 240; Bréhier L. Les populations rurales au IXe siècle... P. 189; Buckler G. Op. cit. P. 201; Moffatt A. Op. cit. P. 85-86.

⁴⁶ PG. T. 115. Col. 653-660; Жизнь, деяния и подвиги св. Отца нашего и Исповедника Михаила, пресвитера и Синкелла града Иерусалима // Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова Л., 1972 (перепеч. М., 1994). С. 116-117; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 215; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 100, 261; Beck H. G. Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz // Polychronion. Festschrift Fr. Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. P. Wirth. Heidelberg, 1966. S. 79; Lemerle P. Op. cit. P. 103; Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. P. 116-117, 119; Moffatt A. Op. cit. P. 90-91.

⁴⁷ Petit L. Vie et office de Saint-Euthyme le Jeune // ROCh. 1903. Т. 8. P. 155-205; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 99-100; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 197, 238; Bréhier L. Les populations rurales au IXe siècle... P. 183, 189; Buckler G. Op. cit. P. 201.

⁴⁸ Κουκουλέξ Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Αθήναι, 1948. Т. А¹. Σ. 63; Beck H. G. Op. cit. S. 74.

наставника, и воспитанника, агиограф подчеркивает, что в основу обучения было положено Священное Писание, а светские предметы были исключены⁴⁹.

Завершил свое образование в Псамафийском монастыре под руководством Никиты Пафлагонского анонимный автор "Жития патриарха Евфимия", представляющего собой скорее историческое повествование о событиях, в которых главе константинопольской патриархии (907-912 гг.) отведена довольно большая роль, и поэтому названного А. П. Каждном хроникой⁵⁰. Обучался в монастырской школе Латрской обители сын одного из командиров флота, Павел, где, по словам агиографа, получил преимущественно духовное образование⁵¹. Антоний, будущий Солунский архиепископ, постригся в монахи и, находясь в монастыре, старался усвоить не только духовную, но и светскую мудрость, а также науки, входившие в круг общего образования. Но больше всего он уделял внимание изучению религиозных сочинений, прежде всего Ветхого и Нового Завета⁵².

Учебное учреждение, вероятно, функционировало и при Лавре св. Афанасия на Афоне. Ее основатель и игумен в прошлом, до своего пострижения в монахи, был руководителем и учителем в одной из школ Константинополя, где он преподавал своим студентам "внешнюю мудрость", т.е. светские науки⁵³. После его поселения на Афоне к нему, в Лавру, стали съезжаться ученики со всех концов империи и из соседних государств: из Рима и Италии, Калабрии и Амальфи, Грузии и Армении и еще более отдаленных стран⁵⁴. По всей вероятности, как и в столице, Афанасий продолжал обучать прибывающих к нему школьным дисциплинам. Именно к нему в Лавру пришли Иоанн Ивир и его сын Евфимий вместе со своими спутниками. Они поселились здесь и стали его учениками⁵⁵. Наличие школы при Лавре св. Афанасия подтверждается довольно большим числом грамотных иноков-свидетелей, лавриотов, которые собственноручно удостоверяли заключаемые договоры⁵⁶.

До своего появления на Афоне Иоанн Ивир подвизался в одном из монастырей Олимпа. Сюда он привез Евфимия, находившегося в Константинополе в качестве заложника вместе с детьми других знатных грузин. Именно здесь отец стал обучать своего отпрыска сначала грузинскому, а затем и греческому языкам. У Иоанна Ивира на Олимпе были и другие ученики. Вполне возможно, что он обучал их, как и своего сына, чтению и письму. Иоанн Ивир хотел, чтобы Евфимий овладел всеми науками греков. Их знание позволило бы ему свободно переводить на родной язык византийскую религиозную литературу, столь необходимую грузинской церкви. Евфимий действительно стал первоклассным переводчиком. Правда, его биограф Георгий Агиорит не

⁴⁹ Пападопуло-Керамевс А. И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899. Т. I. С. 6-7; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 148-150; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 299; Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Pr., 1933. P. 26-27; Beck H. G. Op. cit. S. 81; Moffatt A. Op. cit. P. 91.

⁵⁰ Псамафийская хроника // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы / Пред., пер. и коммент. А. П. Каждана. М., 1959. С. 9-10, 19.

⁵¹ Рудаков А. П. Указ. соч. С. 100, 253.

⁵² Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 89.

⁵³ Lemerle P. Op. cit. P. 257-260; Mango C. Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980. P. 141-142; Wilson N. G. Op. cit. P. 141-142; Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989. С. 391.

⁵⁴ Actes de Lavra. T. I. // Ed. P. Lemerle, N. Svoronos, A. Guillou, D. Papachryssanthou. P., 1970. P. 41-42; Actes du Protaton / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1975. P. 83-84; Actes d'Iviron. I. P. 20.

⁵⁵ Actes d'Iviron. I. P. 20, 135-136.

⁵⁶ Ibid. P. 136, 139-140, 209-210, 214, 220.

говорит, где именно он учился. Можно только предположить, что на Афоне Афанасий мог преподавать ему эти знания. Ведь и отец, Иоанн Ивир, и сын, Евфимий, стали учениками основателя Лавры⁵⁷.

В школе при монастыре учился и Лазарь Галисийский (X-XI вв.), сын бедных родителей, происходивший из окрестностей Магнезии. Первоначально он вступил в одну из иерусалимских обителей, а затем перешел в монастырь в Галисии около Милета⁵⁸.

Начальную школу, функционировавшую при небольшом Нарсийском монастыре в Константинополе, в XI в. посещал юный Михаил Пселл. В более поздние годы в письме к судье фемы Эгейское море он называет упомянутую обитель своим отечеством и говорит, что около нее он родился и там учился⁵⁹. Эта элементарная школа продолжала существовать и в следующем, XII столетии. О ней пишет в своем послании монах Иерофей⁶⁰.

Возможно предположить, что имелась школа и при монастыре Пантократора в Константинополе, где в носокомии при этой обители учились дети обслуживающего персонала (врачей и ассистентов) и где Михаил Италик читал лекции не только по теории медицины, но и преподавал предметы тривиума и квадравиума: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию, а также физику, механику, оптику и философию⁶¹. Несколько позднее вел занятия в монастыре Пантократора за стол и квартиру известный профессор Иоанн Цец, поселившийся здесь после того, как перестал заниматься обучением детей в аристократических семьях⁶².

Известно еще одно учебное заведение, функционировавшее в Константинополе в XII в. при монастыре св. Евфимии. В нем получили начальное образование Евстафий Солунский и его сверстник и друг, Евфимий Малаки, который в своем надгробном слове при прощании с Евстафием говорил, что они были соучениками и вместе приобщались к наукам и всю свою юность прожили вместе. Учились в этой школе и другие клирики упомянутой обители, которых Евстафий Солунский называет своими соучениками⁶³.

Итак, на основании рассмотренных данных с уверенностью можно утверждать, что в Студийском, Ивирском, греческом женском монастырях, Лавре св. Афанасия на Афоне и в обители св. Евфимии действительно функциониро-

⁵⁷ Ibid, P. 19-20, 34-37, 135-136, 138.

⁵⁸ AASS. Nov. III. 1910. P. 508-509; Рудаков А. П. Указ соч. С. 99, 245

⁵⁹ MB. V. P. 378; Joannou P. Psellos et le monastère Tà Narsou // BZ. 1951. Bd. 44. S. 283-290; Gautier P. Le Synode des Blachernes // REB. 1971. T. 29. P. 220; Idem. Un chrysobulle de confirmation rédigée par Michel Psellos // REB. 1976. T. 34. P. 79-99; Idem. Précisions historiques sur le monastère de Ta Narsou // Ibid. P. 101-110; Lemerle P. "Le gouvernement des philosophes": Notes et remarques sur l'enseignement, les écoles, la culture // Cinq études sur le XI-e siècle byzantin. P., 1977. P. 212-214; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 22-23; Wilson N. G. Op. cit. P. 149.

⁶⁰ Darrrouzès J. Un recueil épistolaire du XII-e siècle, Académie roumaine Cod. gr. 508 // REB. 1972. T. 30. P. 199-229.

⁶¹ Treu M. Michael Italicos // BZ. 1895. Bd. 4. S. 1-22; Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. Историко-литературное исследование. Одесса, 1905. С. 162; Fuchs F. Op. cit. S. 37-39; Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byz. 1962. T. 32. P. 194-197; Κάждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 68; Miller T. S. Byzantine Hospitals // DOP. 1984. N 38. P. 55.

⁶² Wilson N. G. Op. cit. P. 190-196.

⁶³ Μπόννης Κ.Γ. Εὐθυμίου τοῦ Μαλάκη μητροπολίτου Νέων Πατρῶν (Ἰπάτης) τὰ σωζόμενα. Ἀθῆναι, 1937. Σ. 83; Eustathii metropolitae Thessalonicensis opuscula / Ed. Th. L. F. Tafel. Francofurti a. M., 1832. P. 337; Hussey J. M. Church and Learning in the Byzantine Empire 867-1185. Oxford; L., 1937. P. 107-108; Browning R. Op. cit. P. 186-193; Κάждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ 1967 т. 27. С. 89-90

вали учебные заведения, в которых обучались не единицы, а многочисленные ученики, являвшиеся монахами упомянутых монастырей. В остальных случаях речь шла о небольшом числе воспитанников, чаще всего об одном или двух. Имеем ли мы право говорить, что и здесь существовали школы? Вероятно, можем, потому что происходит процесс обучения, процесс передачи знания одному другому. И неважно, сколько человек находилось в классной комнате. Главное присутствовали две ключевые фигуры: передающий знания и воспринимающий их. Важно также, что вновь вступающих в монастырь, если они были неграмотными, обучали элементам знания, прививали им навыки чтения и письма. Существенно, что в обителях находились образованные монахи, которые могли обучать вновь вступающих неграмотных братьев. Это тем более было важно, что в стране было много необразованных. Вероятно, хотя и с большим допущением, можно назвать данные учреждения начальной общеобразовательной школой, где преподавали основы грамоты: чтение и письмо. Это было необходимо прежде всего самой церкви, поскольку христианство, будучи религией, где чтению священных книг было отведено большое место, не могло обходиться без минимума письменной культуры. Нужны были грамотные священники и монахи для выполнения церковных служб. Поэтому в монастырях заботились не только о моральном обучении, об обучении добродетели, т. е. о духовном воспитании, но и об обучении чтению и письму, грамматике, элементам богословия и даже философии. Верные приверженцы православия должны были защищать учение церкви от нападков со стороны разного рода еретиков, что они могли сделать лишь в том случае, если бы они были знакомы с трудами и подвигами отцов церкви, основами богословия. В обителях, наиболее крупных из них, всему этому уделяли большое внимание и указанные предметы были включены в программу преподавания в монастырских учебных заведениях.

В ряде житийных памятников наряду с указанием имен наиболее прославленных воспитанников героев повествования (как правило, игумена) сообщается о большом числе учеников, не названных поименно. Так, в "Житии Михаила Синкелла" говорится о многочисленных его учениках, когда он был настоятелем Хорского монастыря в Константинополе. Анализ этих данных приводит Хр. Лопарева к выводу о существовании при упомянутой обители школы, из которой вышло много писателей — составителей житий выдающихся деятелей Хорского монастыря: прежде всего его основателя св. Феодора, Михаила Синкелла и др. Правда, по мнению ученого, авторы агиографических сочинений не были достаточно подготовленными и не отличались литературным дарованием⁶⁴.

В свою очередь Н. Скабаланович только на том основании, что Никита Стифат обращается к Симеону Новому Богослову, настоятелю монастыря св. Мамонта Ксикокерского, как к дидаскалу, высказывает предположение о наличии школы в данной обители⁶⁵.

Все сказанное заставляет нас присоединиться к мнению тех исследователей, которые отстаивали точку зрения о функционировании учебных учреждений при монастырях. Они создавались вокруг одной личности, преподававшей группировавшимся около нее ученикам в зависимости от уровня образованности либо первоначальную грамоту, либо предметы более

⁶⁴ Лопарев Хр. Византийские жития. // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 212-213.

⁶⁵ Скабаланович Н. Византийская наука. С. 733.

сложного курса. Фактически это была школа одного учителя, которая или переставала действовать после смерти своего основателя, или переходила под управление другого человека. Наставниками в подобных учебных заведениях были люди, связанные с монастырями: либо настоятели их, либо образованные члены клира.

Воспитанниками в них, как правило, были или монахи, или те, кто собирался постричься. Наряду с этим в некоторых из монастырских школ обучались и светские лица, такие как Исаак и Иоанн Комнины, направленные на воспитание в Студийскую обитель императором Василием II, и Михаил Пселл, посещавший школу при Нарсийском монастыре столицы.

Рассмотренные примеры показывают, что почти все обучающиеся в монастырских школах, известные нам, за исключением трех последних, становились либо монахами, как Иоанникий Великий, Николай Студит, Евфимий Новый, Феодор и Феофан Начертанные, Евфимий Ивир, Павел Латрский, Лазарь Галисийский и др., либо видными деятелями церкви, как Антоний Кавлея, Антоний Солунский, Евстафий Солунский, Евфимий Малаки.

Следовательно, с полным правом можно утверждать, что византийские монастырские школы в большинстве своем были закрытыми, предназначенными обучать только будущих монахов и клириков церкви. Однако, несмотря на строгое соблюдение канонов Халкидонского собора, запрещающих принимать в учебные заведения при обителях мирян, тем не менее в Византии VIII-XII вв. занятия в монастырских школах посещали не только будущие иноки и церковные иерархи, но и дети, которые не собирались связывать свою судьбу с церковной деятельностью.